

26 января (8 февраля)

Мученик
Иоанн Попов

Мученик Иоанн родился 17 января 1867 года в городе Вязьме Смоленской губернии в семье священника Воскресенской церкви города Вязьмы Василия Михайловича Попова и его супруги Веры Ивановны. 19 января он был крещен в Спасо-Преображенской церкви города Вязьмы своим дедом, протоиереем Михаилом Поповым. В 1888 году Иван Васильевич окончил Смоленскую Духовную семинарию, в 1892-м – Московскую Духовную академию и был оставлен на год для приготовления на вакантную преподавательскую должность. В 1893 году он был назначен временно исполняющим должность доцента по кафедре патристики. Первую пробную лекцию он прочел о Тертуллиане*. В 1897 году Иван Васильевич защитил магистерскую диссертацию «Естественный нравственный закон. (Психологические основы нравственности)», в которой разбиралось происхождение и обоснование нравственности как с философской, так и с богословской точек зрения, и был утвержден в должности доцента академии. В 1898 году Иван Васильевич был назначен экстраординарным профессором по кафедре патристики. В 1899 году он опубликовал библиографические заметки на богословские статьи, появившиеся в это время за рубежом, под названием «Библиография. Новости иностранной литературы по патрологии», а в 1901 году в «Богословском вестнике» поместил статью «Обзор русских журналов. Древнецерковная жизнь и ее деятельность в текущей духовной журналистике», где им были проанализированы практически все вышедшие в то время работы на эту тему.

В 1901-1902 годах Иван Васильевич был направлен за границу для прослушивания лекций по богословию в Берлине и Мюнхене, откуда он писал своему давнишнему другу доценту Духовной академии Сергею Ивановичу Смирнову: «Целый месяц уже слушаю лекции в университете и участвую в практических занятиях по разным предметам. Все профессора произносят здесь свои лекции без тетрадки... Говорили они, очевидно, без предварительного заучивания, потому что при многочисленности лекций у них не могло бы хватить на это времени, и чувствуют себя на кафедре совершенно свободно. Что касается содержания лекций, то мне особенно нравится их сжатость: нет никаких отступлений и излишних подробностей...

Профессоров на богословском факультете не много, и каждый читает самые разнообразные предметы... Я удивляюсь, каким образом у них хватает времени, чтобы изучить все эти разнообразные предметы. Мы кое-как успеваем овладеть только частью одного предмета. Это повергает в уныние.

Лекции посещаются студентами очень исправно. Каждый является с тетрадкой, чернильницей и пером и тщательно записывает. В этом отношении особенно возмутительна исправность курсисток, которые пробрались-таки и на богословский факультет. После лекций у них между собою (студенты посматривают здесь на них довольно косо) начинается проверка и воспроизведение записанного. Исправность студентов, кроме, разумеется, самого

* Тертуллиан (ок. 160, Карфаген – после 220, там же), христианский богослов и писатель. Выступал в Риме как судебный оратор; приняв христианство, около 195 года вернулся в Карфаген.

качества лекций, в значительной степени, мне кажется, объясняется тем, что за лекции плачены деньги и каждый хочет использовать свой расход.

Мученик Иоанн

Со студенчеством я знаком мало. Оно распадается на корпоративных... и стоящих вне корпораций... Корпорации сохраняют средневековую организацию. Они строго замкнуты и служат постоянным источником вражды и столкновения между партиями. Вместе с этим корпоранты занимаются более кутежами и фехтованием, чем наукой. Поэтому на каждом шагу встречаешь здесь изрезанные морды. В противовес корпоративным студентам противники корпораций учредили всеобщий студенческий ферейн*, который преследует главным образом научные цели. Есть также несколько богословских ферейнов.

Либерализм не мешает профессорам и студентам оставаться протестантами... Выбросив все догматическое содержание христианства, они приспособили его к современному научному мирозерцанию. Но в том, что у них остается положительного, они вовсе не являются независимыми мыслителями или христианами, стоящими вне сект: они [истые] протестанты. Каждая выходка профессора против католичества вызывает в аудитории шепот одобрения; действительными членами богословских ферейнов могут быть только

* Ферейн – общество, союз.

студенты евангелического исповедания. Недавно я был на религиозном собрании студентов. Во главе кружка стоит некто граф [Нуклер]. Когда я вошел, все пели под фисгармонию. Потом встал [Нуклер], который был председателем, и начал говорить проповедь на тему о немилосердном заимодавце. Я не знаю, пережил ли этот человек много или просто он – фанатик, но речь его была страстная и окончилась истерическим криком: “только через Христа” (то есть мы спасаемся только благодатью Христа, о чем им все время было говорено. Последнюю фразу он повторил раз восемь). Потом он стал на колени и начал импровизировать молитву и произнес так, как иногда дети чего-нибудь неотступно просят. Во время проповеди и молитвы он несколько раз плакал, лицо его принимало то очень приятное, то совершенно отталкивающее выражение. После окончания молитвы он предложил собранию, на которое, по его мнению, снизошла благодать, обнаружить плоды Духа в каких-нибудь личных заявлениях. Тотчас же поднялся один господин и рассказал, что он очень опечален смертью своего брата, недавно умершего в страшных мучениях. На это заявление последовало предложение со стороны одного очень молодого студента помолиться об утлении скорби этого господина. Большинство присутствующих встали на колени и уткнулись головой в спинку стульев, а молодой человек стал импровизировать молитву. В заключение опять стали петь под фисгармонию. Я вышел из этого собрания со смешанными чувствами. Лично я оказался слишком позитивным для того, чтобы подобное представление могло на меня подействовать. Но можно говорить за искренность некоторых, по крайней мере, членов собрания. Были, однако, и совершенно скучающие физиономии. Порой мне казалось, что граф просто играет в пастора, а другие фальшивят, подделываясь к его вкусам...»

Вернувшись из-за границы, Иван Васильевич в 1903 году был назначен на должность редактора «Богословского вестника», и с этого времени у него прибавилось много хлопот, связанных с публикацией различных статей и с цензурой. Особенно стало трудно, когда в 1905 году в русском обществе, не исключая академических кругов, разгорелись страсти, касающиеся политических вопросов. «Богословский вестник» был обвинен в либерализме, и в 1906 году Иван Васильевич подал прошение о снятии с себя обязанностей редактора.

В 1904 году Иван Васильевич опубликовал работу «Религиозный идеал святого Афанасия Александрийского», в 1908-м – «Святой Иоанн Златоуст и его враги». В 1911–1912 годах была издана его книга «Конспект лекций по патрологии», в основу которой были положены записи студентами его лекций.

С 1910 года, в связи с введением нового устава в Духовных академиях, он стал экстраординарным профессором по 1-й кафедре патрологии.

С 1894 по 1916 год Иван Васильевич «неоднократно участвовал в магистерских и докторских диспутах и давал отзывы на магистерские и докторские сочинения, а также рекомендации для присуждения премий за различные богословские и исторические труды». С 1907 года Иван Васильевич состоял приват-доцентом историко-филологического факультета Московского университета по кафедре истории Церкви. В 1917 году он защитил докторскую диссертацию «Личность и учение блаженного Августина», которая явилась фундаментальным трудом на эту тему.

Один из исследователей историко-богословского наследия Ивана Васильевича Попова, характеризуя его как человека, отличавшегося «кристальной честностью и высокой религиозно-нравственной настроенностью», пишет о нем: он «был человеком больших дарований и исключительного трудолюбия. В своих

патрологических трудах он умело сочетал богословский и философский анализ с исторической демонстрацией. Истина святоотеческой веры им воспринимается и показывается как истина разума или как разум истины. Творения святых отцов для него были всегда живым выражением внутренней жизни Церкви, свидетельством ее неоскудевающей духовности в различных условиях исторического бытия и развития. Он намеревался представить историю Церкви в “лицах” святых отцов – в плане единого Предания Церкви, положить основы к построению своего рода исторического богословия».

Один из студентов, слушавших лекции Ивана Васильевича в академии, писал о нем в своих воспоминаниях: «...Пожилый мужчина с аскетически строгим, худым, окаймленным небольшой бородой лицом на первый взгляд не привлекал внимания, и только приглядевшись можно было увидеть в его глазах глубокую сосредоточенность и внутреннюю силу. Последнюю он смог вполне проявить позднее, во время своих неоднократных ссылок и в изгнаниях, когда в крайне трудных условиях жизни не терял стойкости и бодрости духа, перенося лишения с мужеством мученика древних времен, как мне рассказывали об этом живые свидетели его подвигов.

Свои лекции он читал интересно... чувствовалось, что за его словами скрывается глубокое содержание и прекрасное знание своей дисциплины. Философия святых отцов вырисовывалась перед нами как непосредственное продолжение древней эллинской мысли и, одновременно, как глубочайший корректив, исходивший из божественного откровения, ко всему ценному, что внесла в мир античность. Христианизированную философию Востока он связывал с аналогичной философией Запада, а затем и с течениями западноевропейской средневековой мысли, показывая основное расхождение Востока, с его проникновенным логизмом и софийностью, и Запада, с его односторонними рационалистическими устремлениями, которые привели в конце концов к замене онтологии* узкими рамками гносеологии**.

Член Всероссийского Церковного Собора, доктор богословия, погруженный в древность... он активно откликался на все современное, причем не только по вопросам церковной жизни. В нем не было повального осуждения того нового, что шумело и кипело вокруг. Напротив, он старался понять смысл совершавшихся перемен, понять причины, породившие их именно в данной форме, пытался предсказать то, что последует в дальнейшем...

В обстановке тяжелых и мучительных 1919–1920 годов он пытался провидеть более светлое и отрадное будущее, веря в душевную доброту и неискоренимую ясность мудрости народной, в которой разуверились многие из тогдашних писателей и мыслителей. История и философия, особенно философия блаженного Августина, свидетеля древнего катаклизма, над которой Попов работал долго и прилежно, заставляли его и мыслить соответственно, не иронизируя над многими тяжелыми нелепостями переживаемой поры, а стараясь осмыслить общий ход истории и наметить хотя бы малый, но светлый прогноз, который ободрит бы человека и дал бы ему силы для жизни и действия. И, в целом, его прогноз был положительным, хотя уже тогда он предвидел много мрачного и тяжелого в судьбах Русской Церкви на последующие годы».

В 1917 году Иван Васильевич был избран членом Поместного Собора от

* Онтология – философское учение о бытии.

** Гносеология – теория познания, раздел философии.

Московской Духовной академии и заместителем председателя по отделу Духовной академии. На Соборе он принимал активное участие в обсуждениях, касающихся высшего духовного образования.

После окончания деятельности Поместного Собора Иван Васильевич преподавал в Московской Духовной академии и в Московском университете. В 1919 и в 1920 годах на время каникул Иван Васильевич уезжал в село Самуйлово Гжатского уезда Смоленской губернии.

2 января 1919 года он писал из Самуйлова Михаилу Михайловичу Богословскому*: «Доехал до Самуйлова благополучно, хотя и без всякого комфорта. Прежде чем сесть в вагон, пришлось простоять на холодной платформе в очереди около пяти часов. Весь поезд состоял из товарных вагонов с железными печками посередине... Когда печь топили, в вагоне становилось тепло, но весь он наполнялся дымом, разъедающим глаза, а когда топка прекращается и воздух очищается от дыма, температура в вагоне быстро падает. Я поместился под нарами на длинной поперечной доске. Сидеть на ней нельзя, потому что нары не дают выпрямиться, но зато я всю дорогу на ней лежал, а ведь какой-то философ сказал, что лежать лучше, нежели сидеть. Гораздо приятнее было ехать на лошади из Гжатска в Самуйлово: зимняя тишина, безлюдье и ровная белая пелена кругом так успокоительно действует на душу, постоянно возмущенную там, где теперь кипит котел с помоями. В доме у нас все благополучно. После бури крестьянского восстания, унесшего много бесполезных жертв, все снова успокоилось. В деревне “затишье, снежок, полумгла...”».

5 февраля Иван Васильевич писал ему: «Из Самуйлова думаю выехать 13 февраля, а когда и как доберусь до Москвы – сказать трудно, потому что единственный уцелевший поезд бывает переполнен пассажирами и пробраться в вагон на промежуточной станции, каков Гжатск, очень трудно...

Газеты я здесь читаю исправнее, чем в Москве. Мой племянник, как народный судья, по обязанности выписывает “Известия”, а раз газеты приносят к вам в дом, трудно воздержаться, чтобы в них не заглянуть. По официальным сообщениям слежу за ужасным ростом голода, болезней и разрухи. На душе тяжелым камнем лежит ожидание еще больших бедствий, а вследствие этого плохо отдыхаю и поправляюсь, несмотря на самые благоприятные условия для здоровья, в которых я живу. И таково не мое только настроение, но и огромного большинства крестьян. “Сосет за сердце”, говорят они...”

16 марта 1920 года Иван Васильевич писал Михаилу Богословскому: «Я живу здесь тихо и спокойно. Конечно, продовольственное положение здесь страшно ухудшилось по сравнению с прошлым годом. Осенью в мое отсутствие были сделаны лишь очень небольшие запасы. Теперь они подходят к концу, пополнить их уже трудно, потому что все излишки у крестьян отобраны, да и не по карману. С осени у нас были заготовлены рожь и овес... в восьмидесяти верстах от нас, но никто не соглашается дать лошадь для поездки туда, потому что у крестьян все лошади крайне измучены нарядами для подвозки дров и сена к железной дороге. Хлеба все-таки нам хватает, а кроме того остается только капуста, картофель и молоко в ограниченном количестве. Живем мы в лесу, а дрова достаются с величайшим трудом. Нарубленных дров не продают, а отводят

* Богословский Михаил Михайлович (1867–1929), ординарный профессор Московской Духовной академии и Московского университета, читавший курс русской гражданской истории. С 1921 года – член Академии наук. Автор около 90 работ по русской истории.

деревья на корню, предоставляя покупателям рубить их своими средствами. Сами мы по отсутствию сноровки к этому совершенно не способны, а крестьяне за деньги рубить не нанимаются. Пришлось из своих небольших запасов расплачиваться картошкой и старыми штанами, которые в прежнее время стыдно было бы подать нищему. Берут по мере картофеля за сажень, то есть по довоенным ценам двадцать копеек. Так дешево тогда никто не стал бы работать, но при настоящих ценах на продукты это очень дорого. В конце концов дрова нарезали. Теперь задача, как их перевезти. Все время, свободное от этих хозяйственных забот, отдано занятиям, которые идут довольно успешно. В Москве за всю осень не пришлось ничего сделать, но здесь я порядочно написал для курса и подготовил материалы для дальнейших работ...»

3 апреля 1920 года Иван Васильевич писал ему: «Если бы можно было, я с большим удовольствием остался бы здесь и на лето. Это было бы очень полезно не только для моего здоровья, но и для хозяйства, которое я предполагаю расширить. Беру себе землю для второго огорода. Не прочь был бы взять одну десятину и в поле, чтобы посеять овса и кормовой свеклы, но у меня нет ни лошади, ни земледельческого инвентаря, а земли безлошадным у нас не дают. Во всяком случае, вновь устраиваемый огород надо будет разрабатывать, а для этого нужно мое личное присутствие, потому что без меня в хозяйстве все идет очень вяло...

В Гжатске, в Вязьме и более глухих уездных городах нашей губернии свирепствует тиф... Свое письмо Вы заканчиваете мрачными опасениями и выражением безнадежных чувств. Конечно, жизнь наша полна бедствий и не сулит пока ничего хорошего. Но все же будем надеяться на Бога. Душа успокаивается, когда отдал себя на Его волю».

В феврале 1920 года Иван Васильевич писал профессору Петроградской Духовной академии Николаю Глубоковскому: «Участь Вашей Академии ожидает и нашу. Я уверен, что в будущем году она функционировать не будет. Из зданий нас постепенно вытесняют, а денег на содержание Академии у Церкви нет. Это очень горько. Я думаю не о своей личной судьбе: мы все, конечно, где-нибудь пристроимся и найдем себе кусок хлеба... Нет. Не личная судьба, а гибель учреждения, которое любил и которому добросовестно служил 26 лет, – вот что угнетает. А затем, хотелось бы оформить все сделанное за четверть века и издать в виде ученого и подробного курса... мои конспекты. Но как это сделать вдали от библиотеки и при отсутствии необходимого досуга...»

После закрытия в 1920 году Духовной академии Иван Васильевич продолжал до 1923 года преподавать в Московском университете на кафедре философии древних веков.

В связи с обновленческим расколом, возникшим в 1922 году, и с тем, что часть архиереев вернулась в православие, а часть осталась в обновленчестве, некоторыми церковными людьми стали составляться списки архиереев – православных и находящихся в обновленческом расколе. Иван Васильевич попросил достать ему такой список своего ближайшего ученика, занимавшегося под его руководством церковной историей и патрологией, Антония Тьевара*. Список этот оказался далеко не полон, и Иван Васильевич, как человек, хорошо

* Преподобномученик Серафим (в миру Антоний Максимович Тьевар) прославлен Русской Православной Церковью в Соборе новомучеников и исповедников Российских. Память празднуется ноября 23/декабря 6.

знавший церковную жизнь, стал его дополнять. Весьма важным для такого списка было и настоящее положение епископата, то есть находятся ли архиереи на кафедре или они отправлены в тюрьмы и ссылки. С этой целью Иван Васильевич добавил к нему отдельную графу. Составление такого списка было тем более необходимо, что, по сведениям, дошедшим до Патриарха Тихона, на 1925 год намечалось созвать Собор всех Православных Восточных Церквей. Иван Васильевич познакомил с этим списком Патриарха Тихона и спросил его, возможно ли уточнение фамилий архиереев, на что Патриарх ответил, что на память их не знает, и благословил Ивана Васильевича работать над полным списком канонических архиереев Православной Российской Церкви. Предполагалось, что если Собор состоится и на него будут приглашены представители Русской Церкви, то Иван Васильевич будет отправлен туда делегатом. При составлении списка канонических архиереев Ивану Васильевичу приходилось постоянно консультироваться с митрополитом Крутицким Петром (Полянским).

В 1923 году Иван Васильевич стал хлопотать о получении визы, чтобы выехать для лечения в Чехословакию, но хлопоты оказались безрезультатными. В том же году Патриарх Тихон поручил одному из своих сотрудников передать за границу указ о назначении митрополита Платона (Рождественского) управляющим Северо-Американскими приходами. У того, однако, не было возможности это осуществить, и он обратился за помощью к Ивану Васильевичу, который в свою очередь обратился к знакомому сотруднику Чехословацкой миссии с просьбой переслать письмо и указ Патриарха профессору Новгородцеву, чтобы тот переслал его в Америку. Сотрудник миссии поначалу отказался, сказав, что в политические дела они не вмешиваются, но поскольку Иван Васильевич настаивал, тот попросил разрешения прочитать пересылаемый документ, а прочитав и увидев, что это всего лишь официальный указ, согласился его переслать.

10 декабря 1924 года Иван Васильевич был арестован и заключен в тюрьму ОГПУ в Москве. С этого времени закончилась его деятельность на поприще изучения церковной истории и преподавания патрологии, он сам стал участником этой истории и на своем личном примере должен был показать тот образ христианина, коим прославились и просияли святые отцы и учителя Церкви.

Сразу же после ареста его допросил начальник 6-го отделения секретного отдела ОГПУ Тучков.

— Что вы можете показать о списках архиереев, составленных с целью учета высланных и заключенных советской властью?

— Списки в одном экземпляре я получил от лица, назвать которое не желаю. Списки были написаны от руки чернилами на листе бумаги. Получил я эти списки с месяц тому назад.

— Где вы получали списки?

— Получил я их на своей квартире, продержав их недели две, передал другому лицу — фамилию которого назвать также не желаю.

— Кому вы показывали эти списки и на какой предмет?

— Списков я не показывал, а только один раз приходил к Патриарху Тихону оведомиться о некоторых епископах, об их фамилиях.

— Что вам на это ответил Патриарх Тихон?

— Он ответил, что фамилий этих епископов он не знает.

— О каких именно епископах вы интересовались у Патриарха Тихона?

– Теперь не припомню.

– Как часто и по какому поводу вы бываете в Чехословацкой миссии?

– В Чехословацкой миссии в течение лета я был несколько раз, последнее мое посещение состоялось в ноябре сего года. Ходил я туда по своему личному делу – по поводу получения визы на лечение в Карлсбаде.

– Велся ли у вас разговор с Чехословацкой миссией о вышеупомянутых списках?

– Такого разговора не велось.

– Велся ли разговор об этих списках с гражданином Тьеваром?

– Разговор с Тьеваром об этих списках был, но не в специальной по этому поводу беседе.

– Сколько раз вы с Тьеваром говорили об этих списках?

– Возможно, несколько раз.

– Давали ли вы Тьевару поручения о дополнении списков и их уточнении?

– Возможно, и давал, но точно не помню.

– Посылали ли вы письмо митрополиту Петру с просьбой дать вам сведения о епископате?

– Да, посылал, но ответа не получал.

Следователь попросил профессора изложить свою позицию относительно советской власти. Иван Васильевич ответил: «Я, как христианин, не сочувствую в современном порядке вещей антирелигиозному и аморальному уклону; последний, может, отчасти вытекает из первого. Кроме этого, в советском государстве мне не нравится отсутствие некоторых институтов, имеющих в других государствах, как-то: свободы слова, неприкосновенности личности и так далее; вообще, я принципиальный противник какой бы то ни было диктатуры. Я считаю, что для разрешения социальных проблем метод эволюции предпочтителен методу революции и что задачи социалистической революции были бы вернее разрешены первым путем. В общем же я безусловно подчиняюсь советской власти».

Объясняя, каким образом велась работа над уточнениями сведений, касающихся современного положения архиереев, Иван Васильевич сказал: «Я имею основание думать, что если бы вопрос о подготовке встал бы перед Патриархом, то обратились бы и ко мне, как к одному из немногих оставшихся в живых профессоров академии. Мне казалось, что для работы Собора по ликвидации обновленческого раскола и информации его же о взаимоотношениях Церкви и государства такой список мог быть полезен. Для составления сведений по существу последней графы, а также для получения сведений в целях пополнения и поправок списка вообще, я обращался к некоторым знакомым, в том числе к Антону Максимовичу Тьевару, моему бывшему ученику, которого я знал как преданного делу Церкви, интересующегося текущей церковной жизнью и богословской наукой... Тьевара я просил пособирать, при случае, сведения по существу списка, что последним было исполнено в очень небольшой степени и ограничивалось передачей нужных сведений на словах. Главным образом список составлялся только мной, по личным сведениям, из прессы, в порядке частной информации от некоторых лиц, припомнить которых затрудняюсь, так как сведения эти слетались у меня в голове в течение нескольких лет...»

В конце декабря 1924 года следователь вновь допросил профессора и среди прочего спросил:

– Что вы говорили... относительно способа пересылки списков на

Вселенский Собор?

– Я предполагал, что меня может командировать Патриарх на Вселенский Собор в качестве специалиста богослова и эти списки мне были бы в качестве материалов, форма использования их для меня была не ясна. Если бы интересы Церкви того потребовали, я бы на Вселенском Соборе огласил списки полностью.

– Сообщите фамилию лица, которому вы передали на сохранение списки?

– Нет, не скажу.

После некоторого перерыва, уже после смерти Патриарха Тихона, когда Местоблюстителем Патриаршего престола стал митрополит Крутицкий Петр (Полянский), в конце апреля 1925 года допросы возобновились.

– Вы сможете поручиться, что составленные вами списки правильны? – спросил следователь Ивана Васильевича.

– Нет, поручиться не могу, так как списки мною не закончены. Мое намерение было составить их как можно точнее. Это было необходимо, чтобы не ввести в заблуждение Вселенский Собор.

– Сознаете вы то, что, думая оглашать за границей списки епископата, подчеркивая в списке епископов арестованных, сосланных советской властью, не давая объяснений, почему это произошло, вы тем самым вызвали враждебное отношение к советской власти со стороны капиталистических государств?

– Я это думал делать в интересах Церкви; как это могли истолковать гражданские власти капиталистических государств, это меня не касалось. Я лично думаю, что официальные акты правительства, судебные и другие, компрометировать власть не могут. Я думаю, что закон не налагает обязанности на граждан умалчивать об этих актах.

27 апреля Ивану Васильевичу было предъявлено обвинение в «сношениях с представителями иностранных государств с целью вызова со стороны последних интервенции по отношению к советской власти, для каковой цели Поповым давалась последним явно ложная и неправильная информация о гонениях... Церкви и епископата».

На обороте листа с обвинительным заключением Иван Васильевич написал: «С формулировкой обвинения не согласен. Возражения свои изложу после того, как мне дана будет возможность прочесть формулировку предъявленных статей в кодексе законов».

19 июня 1925 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к трем годам заключения, и он был отправлен в Соловецкий концлагерь. Туда же был отправлен и его ученик Антоний Тьевар.

Свидетель пребывания Ивана Васильевича на Соловках протоиерей Михаил Польский писал о нем: «Иван Васильевич был учителем школы грамотности при Соловецком лагере... Говорить об учено-богословской работе Ивана Васильевича Попова – особая отдельная задача. Во всяком случае, в России патрология, как наука, впервые создана им... Характеризуя его ученость, архиепископ Иларион (Троицкий) говорил: “Если бы, отцы и братия, все наши с вами знания сложить вместе, то это будет ничто пред знаниями Ивана Васильевича”».

Профессор Иван Васильевич Попов был автором текста обращения православных епископов к правительству СССР, известного как «Памятная записка соловецких епископов», которое было принято всеми заключенными в Соловецком концлагере архиереями. В этом обращении подробно описывались идейные различия между идеологией коммунизма, принятой советской властью за государственную доктрину, и церковным мировоззрением и каковы

сложившиеся на тот момент отношения между Церковью и государством; в нем отмечались общие принципы взаимоотношений между Церковью и государством, основанные на признании закона об отделении Церкви от государства. В этом обращении, в частности, говорилось: «Православная Церковь не может по примеру обновленцев засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она бы пользовалась полной свободой. Она не скажет вслух всего мира этой позорной лжи, которая может быть внушена только или лицемерием, или сервилизмом, или полным равнодушием к судьбам религии, заслуживающим безграничного осуждения в ее служителях... Свое собственное отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели; она никогда не призывает к оружию и политической борьбе; она повинуется всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей конституцией, и не может стать слугой государства...

Соловецкий концлагерь. 1925 год. В первом ряду (в центре) архиепископ Приамурский и Благовещенский Евгений (Зернов) и епископы, участвовавшие в составлении «соловецкой декларации»; во втором ряду (3-й слева) Иван Васильевич Попов

В Республике всякий гражданин, не пораженный в политических правах, призывается к участию в законодательстве и управлении страной, в организации правительства и влиянию, в законом установленной форме, на его состав... Церковь вторглась бы в гражданское управление, если бы, отказавшись от открытого обсуждения вопросов политических, стала влиять на направление дел путем пастырского воздействия на отдельных лиц, внушая им либо полное уклонение от политической деятельности, либо определенную программу

таковой, призывая к вступлению в одни политические партии и к борьбе с другими. У каждого верующего есть свой ум и своя совесть, которые должны указывать ему наилучший путь к устройению государства. Отнюдь не отказывая вопрошающим в религиозной оценке мероприятий, сталкивающихся с христианским вероучением, нравственностью и дисциплиной, в вопросах чисто политических и гражданских Церковь не связывает их свободы, внушая им лишь общие принципы нравственности, призывая их добросовестно выполнять свои обязанности, действовать в интересах общего блага, не с малодушной целью угодить силе, а по сознанию справедливости и общественной пользы...

Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если ходатайство будет отклонено, она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целости внешней организации заключается ее сила, а в единении веры и любви преданных ей чад ее, наипаче же возлагает свое упование на неодолимую мощь ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его Создания».

Протоиерей Михаил Польский, вспоминая, как обсуждалось и принималось это обращение к правительству, писал: «В день отдания Пасхи, 26 мая 1926 года, в монастырском кремле Соловецкого острова, в продуктовом складе лагеря заключенных, собрались по возможности все заключенные здесь епископы для заслушания доклада другого узника, профессора Московской Духовной академии Ивана Васильевича Попова. Складом продуктов и их раздачей заключенным заведовал игумен из Казани отец Питирим Крылов, имевший группу сотрудников из духовенства... Отец Питирим предоставил епископам свое помещение для секретного совещания, которое и приняло так называемую “Памятную записку соловецких епископов”, должную быть представленной на усмотрение правительства...

Оборот фотографии с факсимиле подписи узников

Иван Васильевич Попов, благочестивый старец-аскет, профессор

святоотеческой литературы, автор ценнейших печатных трудов, при составлении “Записки” руководился указаниями старшего среди архиереев на Соловках архиепископа Евгения*. С ним он по преимуществу совещался, но до общего собрания епископов читал “Записку” и небольшой группе епископов и духовенства, подвергая ее многосторонней критике...»

4 ноября 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к трем годам ссылки, и он был отправлен в ссылку на реку Обь под Сургут.

«Первое время, – писал о нем протоиерей Михаил, – квартирные условия были плохие и он не имел возможности заниматься своими научными трудами, а собирал и сушил грибы, которые посылал своим друзьям в центр России, откуда получал посылки. Через несколько месяцев он был переведен в другое место, и там ему было лучше жить. С ним жил ссыльный епископ Онуфрий**, относившийся к нему с особенной любовью. Здесь Иван Васильевич трудился над сочинением о святителе Григории Нисском».

Находясь в ссылке, Иван Васильевич наладил переписку с находившимся в этих же местах Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Петром (Полянским), которого он давно и хорошо знал. Через Ивана Васильевича заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) посылал деньги для митрополита Петра. Пересылая их, Иван Васильевич никогда не говорил, от кого эти деньги, но однажды все же написал, что эти денежные переводы от митрополита Сергея. Узнав об этом, Местоблюститель не считал возможным получать помощь от своего заместителя через посредника и отписал Ивану Васильевичу, чтобы тот сообщил митрополиту Сергию, что денег присылать больше не нужно, он ни в чем не нуждается.

11 декабря 1930 года истек срок ссылки, но Ивану Васильевичу выехать из Сибири не разрешили. В конце декабря против него было возбуждено новое дело, и 8 февраля 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к лишению права проживания в ряде областей и краев России, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года. В тот же день он был вновь арестован и заключен в тюрьму в Сургуте по обвинению в проведении антисоветской агитации. «Пока я сидел в Сургутском арестном доме, – писал Иван Васильевич, – в Сургуте была арестована группа крестьян-переселенцев с обвинением по статье 58, пункт 11 (организация... с целью свержения советской власти в Сургуте), к которой я был причислен... С ними в марте был отправлен в тобольскую тюрьму; все лето шло следствие, в конце сентября оно было закончено, и недели через две я был освобожден из тюрьмы и получил три года ссылки в Самарово Тобольской области...» А затем он был переведен в село Реполово Тюменской области.

После опубликования в 1927 году декларации митрополита Сергея (Страгородского) гонения на Церковь не только не уменьшились, но еще более ужесточились, и у многих церковных людей осталось горькое чувство напрасности этой жертвы, и со временем это публичное заявление стало

* Архиепископ Евгений (Зернов). Впоследствии митрополит Нижегородский. Расстрелян в 1937 году. Прославлен Русской Православной Церковью. Память празднуется сентября 7/20.

** Епископ Елисаветградский, викарий Одесской епархии Онуфрий (Гагалюк). Впоследствии архиепископ Курский и Обоянский. Расстрелян в 1938 году. Прославлен Русской Православной Церковью. Память празднуется мая 19/ июня 1.

восприниматься как лицемерие, вынужденное не столько церковными соображениями, сколько соображениями личными. Находились, однако, люди, которые всецело разделяли необходимость написания подобной декларации и считали, что нужно идти на любые унижения и ложь ради физического сохранения церковной организации. Бывший секретарь Святейшего Синода Михаил Гребинский, хорошо знавший митрополита Сергия и профессора Ивана Васильевича Попова, писал последнему, что он совершенно и безоговорочно согласен с декларацией, так как, благодаря ей, Церковь получает возможность сохраниться физически. Но для Ивана Васильевича такая позиция была неприемлема, и он ответил Гребинскому довольно резко, написав: «Его поступок неизвинителен, и его не могут оправдать никакие выгоды. Его позорная и бесстыдная ложь, явная для всякой тумбы, которая торчит на улице, наносит такой моральный ущерб самому существу дела, который не может быть вознагражден никакими внешними приобретениями. Ослаба, про которую вы пишете, во-первых, совершенно ничтожна по сравнению с нанесенным вредом, и во-вторых, явилась “не потому”, а “несмотря на то”. Я не знаю, в какую форму выльется моя оппозиция, но вопрос об отношении к С. для меня совершенно ясен. Это – Сарзиз*, соучастник и пособник».

Хотя это письмо было личным, Гребинский сделал из него в нескольких экземплярах выписки и стал их рассылать людям, не согласным с позицией Ивана Васильевича, – в частности, он послал такие выписки и митрополиту Сергию (Страгородскому). Один из экземпляров выписки был обнаружен у Гребинского во время обыска сотрудниками ОГПУ, и, хотя по выписке нельзя было понять, кому принадлежало письмо, Гребинский рассказал, что его автором является Иван Васильевич Попов. Впоследствии следователи весьма пристрасно допрашивали Ивана Васильевича об этом письме.

Вернувшись из ссылки в 1934 году, Иван Васильевич поселился в Люберцах под Москвой и восстановил связи с оставшимися в живых учениками и знакомыми по академии. Встречи чаще всего происходили на квартире архиепископа Варфоломея (Ремова), который приглашал к себе архиереев, приезжавших на сессии Синода. В июне 1934 года Иван Васильевич встретился здесь с митрополитом Арсением (Стадницким) и архиепископом Николаем (Добронравовым), с ними же он виделся и при обсуждении церковных вопросов в сентябре 1934 года. В феврале 1935 года на одной из встреч присутствовал митрополит Анатолий (Грисюк).

По показаниям, данным на следствии арестованным архиепископом Варфоломеем, на этих встречах говорилось о том, что Русская Церковь находится в крайне тяжелом положении. Архиепископ Николай (Добронравов), высказывая недовольство позицией митрополита Сергия, говорил, что, «вместо того чтобы, как это подобает главе Церкви, защищать ее интересы», тот «ведет соглашательскую линию в отношении советской власти» и тем самым ухудшает положение Церкви. Архиереи с ним согласились.

По одному делу с архиепископом Варфоломеем в феврале 1935 года было

* Саркис (Сарзиз) – персонаж армянской мифологии, перенявший функции древнего божества ветра и бури. Сарзиз – красавец, вооруженный всадник на белом коне; поднимает ветер, бурю, метель. Душит тех, кто его не почитает, помогает взывающим о помощи. Всегда содействует влюбленным, которые обращаются к нему за помощью, поэтому его часто называют «осуществляющим заветную мечту».

арестовано двадцать два человека. 21 февраля 1935 года Иван Васильевич был арестован. 26 февраля следователь допросил профессора.

– Где состоялась встреча с митрополитом Арсением в 1934 году?

– Я был у него на даче в Пушкино.

– Я имею в виду другую встречу с Арсением.

– Другая встреча имела место на квартире архиепископа Ремова во Всехсвятском осенью 1934 года.

– Кто там был еще?

– Помимо митрополита Арсения, архиепископа Варфоломея и меня, там был еще архиепископ Николай.

– Предшествовала ли этой встрече предварительная договоренность?

– Да, предшествовала.

– Какие вопросы тогда и в 1935 году на этих встречах обсуждались?

– Вопросов никаких не обсуждалось, были разговоры чисто житейские.

– Вновь настаиваю на правдивых ответах. Я располагаю данными, что эти встречи были по своему характеру совещаниями, на которых обсуждалось положение Церкви в СССР.

– Я это отрицаю.

– Как же вы это отрицаете, когда на этих совещаниях, участником которых вы являетесь, всеми присутствующими констатировалась гибельность для Церкви линии, проводимой митрополитом Сергием.

– Я повторяю, что этих вопросов мы не касались.

На этом допросы были окончены. 26 апреля 1935 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило Ивана Васильевича Попова к пяти годам ссылки в Красноярский край. Во время обыска сотрудники НКВД забрали у него некоторые предметы, не имевшие отношения к следствию, и Иван Васильевич, приехав на место ссылки в деревню Волоковское Пировского района Красноярского края, 28 ноября 1935 года отправил заявление в НКВД, в котором писал: «При моем аресте 22 февраля сего года в моей квартире... у меня были отобраны... 12 столовых серебряных ложек, 8 чайных серебряных ложек, одна десертная серебряная ложка, золотой нагрудный крестик, две сберегательных книжки с остатком по 5 рублей каждая, одна торгсиновская книжка с остатком на 12 рублей 20 копеек и две столовых ложки белого металла... альбом с семейными фотографиями, альбом с фотографическими видами моей родины, мое сочинение в рукописи под заглавием «Дидим Слепой» и документы: справка из Московского университета о продолжительности моей службы в нем в качестве профессора и два удостоверения о моей службе в философском исследовательском институте, состоявшем при 1-м Государственном университете...

Прилагая при сем доверенность на имя “Помощи Политическим Заключенным”, прошу НКВД выдать этому учреждению для возвращения мне как перечисленные ценности, так и перечисленные предметы, взятые для следствия. При этом считаю необходимым объяснить, что не могу представить квитанции на отобранные у меня ценности, которая была выдана мне на руки при переводе меня из изолятора НКВД на Лубянке, куда я был доставлен после ареста, в Бутырскую тюрьму, и не могу указать ее номера, который своевременно не записал. Квитанция эта была у меня отобрана в Бутырской тюрьме при объявлении мне постановления Особого Совещания о моей ссылке для затребования по ней, как мне объяснили, из Лубянского изолятора подлежащих

возвращению мне моих ценностей (вечером 1 мая), но через два дня я был уже вызван на этап для отправления на место ссылки, и при этом мне не выдали ни ценностей, ни отобранной квитанции, объясняя это тем, что квитанция и ценности еще не присланы из Лубянского изолятора. Ввиду этого я просил администрацию тюрьмы оставить меня до следующего этапа, чтобы получить перед отправлением или мои ценности, или отобранную квитанцию, но разрешения на это не получил и вынужден был уехать, не добившись возвращения мне документа на отобранные ценности... прошу... выдать мои ценности и другие перечисленные предметы "Помощи Политическим Заключенным"».

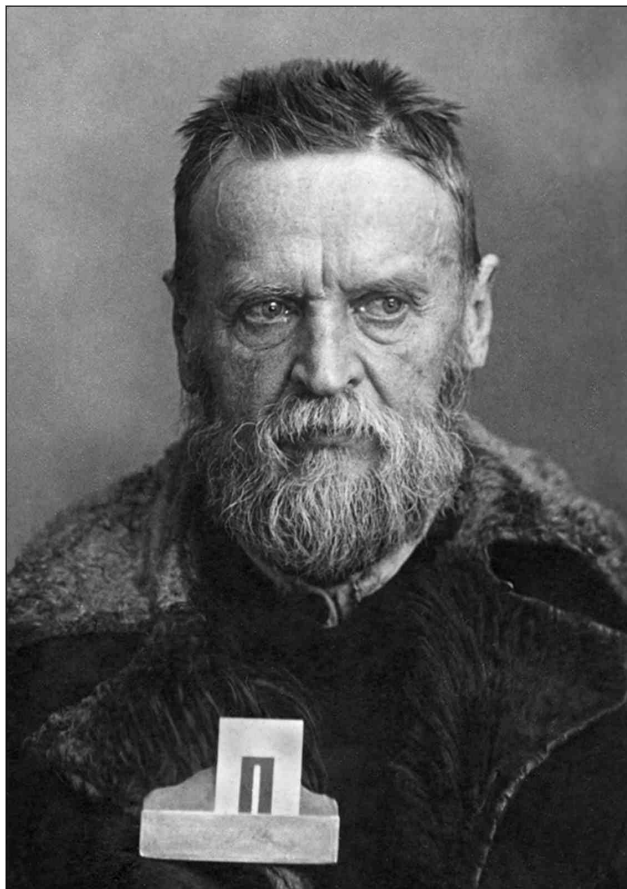
Через некоторое время Ивана Васильевича перевели в село Игнатово того же района и поселили в доме пастуха. Дом состоял из двух половин, Ивану Васильевичу выделили отдельную комнату, жена хозяина готовила ему пищу. В ссылке у него было много книг, присланных ему друзьями, так что в какой-то мере он смог продолжить свои научные занятия. Но началась новая волна гонений, когда всех ссыльных и находящихся в лагерях по приказанию Сталина и советского правительства стали вновь арестовывать и большей частью расстреливать. 9 октября 1937 года был арестован и заключен в тюрьму в Енисейске и Иван Васильевич Попов.

11 октября был допрошен в качестве свидетеля один из ссыльных по фамилии Виолович, который показал об Иване Васильевиче: «Отбывая срок ссылки в селе Игнатово, где также находился Иван Васильевич Попов, мне неоднократно приходилось вести разговоры с Поповым на политические темы. Будучи чрезвычайно осторожен и всячески смячая впечатления, Попов все же стал выражать свои контрреволюционные взгляды... в разговоре с Поповым 7 июня 1937 года последний... заявил: "Экспедиция на Северный полюс, так шумно рекламируемая нашими газетами, есть средство и попытка отвлечь внимание масс от политической злобы дня, смазать наиболее серьезные и острые противоречия".

Продолжая разговор, Попов привел другой пример контрреволюционного содержания: "Стахановское движение есть тоже такая попытка создать шумиху вокруг пустяковых вопросов, кроме этого есть отрицание проблемы качества работы и погоня за количеством; успехом у масс эти методы работы пользоваться не могут". Я возражал Попову, что приведенные им примеры не отвечают действительности, но Попов настаивал на своем.

Второй раз мне с Поповым пришлось встретиться 19 июня 1937 года после вынесения приговора над шпионами-фашистами восьмерки Тухачевского... По поводу расстрела этой шпионской восьмерки Попов высказал свои контрреволюционные взгляды следующего содержания: "Расстрел восьми крупных военных работников, а также последние репрессии вообще показывают, что монолитность ВКП(б) есть мыльный пузырь, так как на самом деле мы видим уход из партии и расстрел самых видных ее деятелей, в прошлом ее организаторов. Законы революции вообще таковы, что самые ее видные деятели всегда пугаются широты и размаха того движения, которое они вызвали, и идут на эшафот; так было во Французской революции, так происходит и сейчас в СССР". На мой вопрос о том, почему, по его мнению, везде разоблачают шпионов и диверсантов, Попов ответил: "Это явилось результатом того, что всех зажали, говорить позволяют и высказываться только в смысле восхваления и славословия. Нужно думать, что сейчас свирепствуют сильные репрессии, многие люди пользуются этим моментом для сведения личных счетов..." Надо заметить, что за

последнее время Попов свою контрреволюционную деятельность активизировал, более откровенно, открыто стал высказывать свои контрреволюционные взгляды. Я приведу такой факт.

Иван Васильевич Попов. Москва, тюрьма НКВД, 1935 год

В сентябре 1937 года Попов пригласил меня зайти к нему на квартиру, где, разговаривая на разные темы, Попов прямо высказал свои социально-политические взгляды; он говорил: “Я считаю абсурдными всякие разговоры о классовой борьбе: классовой борьбы не существует – все это вздор и чепуха. Я всегда был и остаюсь идеалистом, и, по-моему, не какая-то экономическая и классовая борьба является двигателем истории, а духовные интересы разных наций. Руководящая же роль в развитии истории, конечно, принадлежит религии”.

19 сентября 1937 года, когда колхозники изучали положение о выборах в Верховный Совет СССР, на сей счет Попов выразился: “После опубликования новой конституции отсутствие настоящей свободы и демократии дало себя еще больше почувствовать, ибо конституция опубликована только для внешнего употребления и представляет клочок бумаги, на деле же народам СССР она абсолютно никакой свободы не дает”. В беседе с Поповым 8 октября 1937 года по вопросу “национальной политики” Попов говорил, что “советская власть ведет неправильную национальную политику. Там, где на самом деле не было ничего национального, никакой национальной культуры, большевики вопили о национальном самоопределении, о культивировании и чистоте национальной культуры. Неудивительно, что теперь сказывается результат этой политики. Потому эти люди и стали шовинистами, так как раздули национальное

самоопределение и создавали национальные культуры там, где их не было. Это лишний раз говорит о несостоятельности и непрочности политики коммунизма”.

В заключение всего показанного мною в протоколе допроса заявляю, что Иван Васильевич Попов враждебно настроен к политике партии и советской власти. Высказываемые Поповым контрреволюционные взгляды я не разделял и всегда старался в таких случаях удаляться от Попова».

В тот же день был допрошен хозяин дома, в котором жил профессор. Он показал: «Припоминаю такой разговор Попова, что “советская власть с крестьян-колхозников налоги берет разными платежами, что раньше этого не было”. Он еще много таких контрреволюционных слов говорил, всего сейчас не припомнишь, и многое я у него не понял, так как немного недослышу».

На следующий день, 12 октября, следователь допросил Ивана Васильевича.

– Кого из знакомых вы имеете за границей, назовите их имена, фамилии и адреса.

– Из знакомых за границей, например в Париже, проживает мой бывший товарищ по академии митрополит Евлогий Георгиевский, Иван Александрович Ильин, бывший профессор Московской Духовной академии, проживает в Швейцарии, а Павел Иванович Новгородцев в Праге. Связи с ними я никакой не имею.

– Откуда вы знаете указанных лиц, адреса, место нахождения?

– О месте нахождения Новгородцева и Ильина мне кто-то сообщал, или же я слышал еще в Москве, сейчас точно не помню. Что касается митрополита Евлогия Георгиевского, я знал из переписки, которую он вел с митрополитом Сергием, заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола; с Сергием я знаком по академии, в то время он был профессором Духовной академии, а затем инспектором. Кроме того, я виделся с ним в 1934 году в Москве.

– Разговоры проходили у вас на политические темы?

– Разговоры проходили о нашей прежней работе, учебе, весь разговор был воспоминанием из жизни академии, был и разговор относительно экспедиции на Северный полюс. По этому вопросу был разговор и с Виоловичем, я говорил, что полету экспедиции на Северный полюс слишком много уделяют внимания в газетах, пишут все одно и то же, так что становится скучно читать.

– Следствие располагает материалами, что вы совместно с Виоловичем проводили агитацию контрреволюционного содержания по вопросу стахановских методов труда. Расскажите следствию об этом.

– Стахановскими методами труда я никогда не интересовался, так как это от моих интересов далеко, и читать и разговаривать об этом мне скучно, я занимаюсь наукой отвлеченного порядка.

– Следствие требует от вас дать по этому вопросу правдивые показания.

– Я говорю только правду и добавить ничего другого не могу.

– Следствием установлено, что вы высказывали контрреволюционные взгляды по вопросу новой конституции, в частности о репрессиях. Расскажите, как это было.

– В отношении новой конституции я говорил, что наравне с утверждением конституции должен измениться и уголовный кодекс в сторону смягчения репрессий, что конституция в данный момент выполняется частично, полностью в действие по всем статьям не применена. По национальному вопросу я говорил, что имеются изменения в части развития национальной культуры; что касается контрреволюционной агитации, ее я не проводил.

– Свидетельскими показаниями Павловой и других установлено, что вы выражали недовольство политикой ВКП(б) и советской власти, что якобы в Советском Союзе насильно уничтожают религию. Подтверждаете это?

– Не помню, в какое время и где, но я говорил, что религия в Советском Союзе поставлена в очень тяжелое положение, что много имеется еще религиозных людей, которые бы желали молиться в церкви, но ввиду больших налогов они открыть церковь не в состоянии; других каких-либо разговоров контрреволюционного содержания я не вел.

– Были ли разговоры по вопросу безработицы и что на сей счет вы высказывали?

– Да, разговор о безработице был, я говорил лично о себе, что, вернувшись в 1934 году из ссылки, я продолжительное время не мог найти себе работу и что впоследствии устроился на работу, и то с большим перерывом, такое же положение может случиться и после освобождения из ссылки и сейчас; относительно вообще безработицы в Советском Союзе я не говорил.

– Следствие располагает материалами, что вы высказывали пошлые клеветнические слова по адресу руководителей партии и советского правительства. Скажите, чем это было вызвано.

– Не помню таких разговоров, возможно, что-нибудь в отношении зажима критики я говорил, о которой за последнее время много пишется в газетах.

– Следствие настаивает на том, чтобы вы дали откровенные показания по поводу клеветы на руководителей партии и советского правительства.

– Я сказал, что подобных разговоров сейчас не помню и ничего по этому вопросу пояснить не могу.

– Следствием установлено, что вы по поводу последнего процесса над восемью фашистскими шпионами высказывали сожаление о них, говорили о неустойчивости и немонолитности партии ВКП(б).

– Разговор по поводу расстрела этой восьмерки был, но жалеть я их не жалел; что касается неустойчивости и немонолитности партии, это действительно так, поскольку в партии образовались три фракции: троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы; ясно, что при таких разногласиях партия не может быть монолитной.

6 ноября следователь снова вызвал Ивана Васильевича на допрос и спросил:

– Вы работали в Духовной академии и готовили кадры священников?

– Да, на протяжении тридцати лет моей службы в Духовной академии я в основном готовил и воспитывал священнослужителей, так как и цель Духовной академии была направлена на выпуск епископов и священников.

2 декабря была устроена очная ставка со лжесвидетелем, который подтвердил все данные им ранее показания, после чего следователь спросил профессора:

– Вы подтверждаете показания свидетеля?..

– Нет, показания... я не подтверждаю и виновным себя не признаю.

Когда свидетеля увели, следователь еще раз спросил Ивана Васильевича:

– Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– Виновным себя в предъявленном обвинении... не признаю.

3 декабря 1937 года следствие было закончено. В енисейской тюрьме Иван Васильевич встретил день своего рождения, ему исполнился семьдесят один год. 5 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила Ивана Васильевича к расстрелу. Иван Васильевич Попов был расстрелян 8 февраля 1938 года в 9 часов вечера, в канун празднования памяти вселенского учителя и святителя Иоанна

Златоустого, имя которого он, по-видимому, и носил.

Один из очевидцев жизни мученика в соловецком узилище писал о нем: «В светском звании Иван Васильевич был истинным монахом, безбрачным и девственником, смиренным тружеником, воздержником в пище и питии, благоговейным молитвенником к Богу. Сему все знавшие его – свидетели. Имея дар благодати Божией – *слово знания* (1 Кор. 12, 8), он трудами удесятерил талант, послужил им Церкви с великой пользой и прославил ее своей мученической кончиной».

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Реутов православный. 2005. № 1 (7) январь.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Дополнительный том II. Тверь, 2005. / Составитель жития игумен Дамаскин (Орловский). С. 24-55.

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь». Тверь. 2005. С. 339-367